

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2015
XXIV

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1133
EXPRESS-ISSUE

2015 № 1133

СОДЕРЖАНИЕ

- 1361-1368 История описания рода *Tetraogallus* (Gray, 1833) и выделение типовых видов подродов *Tetraogallus* и *Montigallus* (Potapov 1991). Р. Л. ПОТАПОВ
- 1369-1377 Обыкновенная каменка *Oenanthe oenanthe* в Нижнем Приобье и на Ямале. В. Н. РЫЖАНОВСКИЙ, В. К. РЯБИЦЕВ
- 1377-1379 О встрече канадской казарки *Branta canadensis* в городе Печоры Псковской области. А. В. БАРДИН
- 1380-1386 Очерк биологии размножения клеста-еловика *Loxia curvirostra*. А. С. МАЛЬЧЕВСКИЙ
- 1386-1389 О населении и гнездовой биологии речного сверчка *Locustella fluviatilis* на зоостационаре вблизи города Сумы. Н. П. КНЫШ
- 1189 Обыкновенная гага *Somateria mollissima* в Харьковской области. И. А. КРИВИЦКИЙ, Ю. А. КАЛЬЧЕНКО
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

2015 № 1133

CONTENTS

- 1361-1368 History of description of the genus *Tetraogallus* and designation of the type species of the subgenera *Tetraogallus* and *Montigallus* (Potapov 1991).
R. L. P O T A P O V
- 1369-1377 The northern wheatear *Oenanthe oenanthe* on the Lower Ob and the Yamal Peninsula.
V. N. R Y Z H A N O V S K Y , V. K. R Y A B I T S E V
- 1377-1379 On the record of the Canada goose *Branta canadensis* in Pechory, Pskov Oblast. A. V. B A R D I N
- 1380-1386 Essay on breeding biology of the red crossbill *Loxia curvirostra*. A. S. M A L C H E V S K Y
- 1386-1389 Population and breeding biology of the river warbler *Locustella fluviatilis* at zoological station near Sumy.
N. P. R N Y S H
- 1189 The common eider *Somateria mollissima* in the Kharkov Oblast. I. V. K R I V I T S K Y ,
Y u . A . K A L C H E N K O
-

A. V. Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

История описания рода *Tetraogallus* (Gray, 1833) и выделение типовых видов подродов *Tetraogallus* и *Montigallus* (Potapov 1991)

Р.Л.Потапов

Роальд Леонидович Потапов. Зоологический институт РАН. Университетская набережная, д. 1, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: roald.potapov@gmail.com

Поступила в редакцию 9 апреля 2015

В своё время мною была опубликована статья (Потапов 1991), посвящённая обзору материалов, накопившихся к тому времени в отношении распространения и биологии уларов *Tetraogallus*, включая результаты моих исследований как морфологии, так и экологии этих высокогорных птиц в горах Памира, Тянь-Шаня и Алтая (Потапов 1966). В этой статье, базируясь исключительно на окраске птиц и развитии её в онтогенезе, я предложил разделить сравнительно однородную группу этих птиц на два подрода, дав им соответственно названия темнобрюхих *Tetraogallus* subgen. str. и белобрюхих *Montigallus* subgen. nova. Однако в статье не были выделены типовые виды, что является требованием принятого впоследствии Кодекса зоологической номенклатуры (The Code 1999). В данной публикации я исправляю это упущение и произвожу систематический акт выделения типовых видов новых родов, а также привожу ряд подробностей, связанных с историей становления названия этого рода в современной номенклатуре.

Первый вид уларов, описанный в зоологической литературе, был каспийским уларом, экземпляр которого попал в руки немецкого натуралиста С.Г.Гмелина (Gmelin 1784) во время его первого путешествия по южно-российским провинциям в 1768-1774 годах. Это произошло в северо-персидском городке Астрабад (ныне – Горган) на южном берегу Каспийского моря и было вполне очевидно, что попасть в Горган в руки натуралиста он мог только с ближайших к нему высоких гор. А это – хребет Эльбурс, отдельные вершины которого достигают 3.5 тыс. м н.у.м. и где эти птицы обитают и поныне. Этой неизвестной ещё науке птице С.Г.Гмелин присвоил родовое название *Tetrao*, ориентируясь, видимо, на её размеры, под которым она и вошла в труды этого натуралиста – *Tetrao caspius* (Gmelin, 1784, p. 67, pl. 10). И нет ничего удивительного в том, что и следующий вид улара из соседних с Эльбурсом горами Кавказа спустя 27 лет был описан под тем же родовым названием – *Tetrao caucasicus* (Pallas, 1811). Ареалы этих видов не перекрываются, но близки – расстояние между ними около 400 км и также приходится на горные местности, хотя и менее высокие. Так,

хребет Эльбурс на западе соединяется с подступающим к нему с юго-востока весьма протяжённым хребтом Загрос, непосредственно соединяющимся с горами Кавказа (Армянское нагорье).

Следующий же вид улара был найден уже далеко – в Южной Сибири в горах Алтая спустя ещё четверть века. Нашедший там его, добывший и давший первое его описание известный натуралист Фредерик Геблер в то далёкое время (Gebler 1836) не мог ещё иметь никакого представления о птицах подобного рода и назвал его алтайской куропаткой *Perdix altaica* Gebler, 1836. И только спустя ещё 8 лет в зоологической номенклатуре появляется новое название ещё одного вида уларов, который получает современное родовое название. Этим видом оказался ещё один вид, оказавшийся обычным в Гималаях и так и названный гималайским, но под новым и ныне широко принятым орнитологической литературе родовым названием *Tetraogallus* – *T. himalayensis*. Автором названия как нового вида стал в 1843 году Джордж Э. Грей, известный английский орнитолог (Grey 1843) и младший брат куратора зоологии Британского музея Джона Грея. Но вот здесь сейчас, вполне неожиданно, возникла проблема. При попытках найти в литературе первоописания и рода, и вида под таким названием, выяснилось, что нормального первоописания этого рода с полагающимся в таких случаях выделением типового вида с чётким его описанием, опубликованного в печати, не существует.

Впервые род *Tetraogallus* появился в иллюстрированной сводке «Иллюстрации к индийской зоологии» генерала Хардвика и куратора Британского музея Джона Грея в 1833-1834 годах (Hardwicke, Grey 1833-1834). Это родовое название было применено авторами для формы *Lophophorus nigelli*, но сделали это они без пояснений. Единственный текст, указанный для этого вида, сопровождался подписью «фаза-но-курица Нигеля» (Nigelli Pheasant-Grouse) к великолепному цветному изображению гималайского улара. Само название *Lophophorus nigelli* впервые было применено 7 годами раньше в книге Жардина и Селби «Иллюстрации по зоологии» (Jardine, Selby 1826, pl. 46), где описание и иллюстрации относились к молодой самке из Персии, которая явно является каспийском уларом.

Ссылки на автора первой валидной комбинации родового и видового названия (*Tetraogallus himalaensis* Gray GR, 1843) приводили к выпуску журнала «Proceedings of the Zoological Society of London, Part 10, 1843», где было опубликовано письмо Джорджа Е. Грея своему брату – Джону Грею, куратору зоологических коллекций Британского музея. Письмо было зачитано на заседании зоологического общества 26 июля 1842, и поскольку на заседании велась стенограмма, то оно попало в печать (с датировкой 1843 годом). Следует заметить, что по крайней мере в те времена (середина XIX века) каждое из заседаний Зоологи-

ческого общества начиналось с зачитания писем сугубо научного зоологического содержания, полученных в адрес руководства этого общества. Эти письма, как правило, зачитывались на очередных заседаниях Общества, а их содержание обычно публиковалось в очередном Отчёте. Тем не менее, с точки зрения зоологической номенклатуры оно не является публикацией, обеспечивающей валидность предлагаемых названий (The Code 1999, статья 9.10). И, тем не менее, подчас содержание таких отчётов существенно помогает при разборе возникающих иногда запутанных ситуаций, связанных с происхождением или приоритетом названий тех или иных таксонов.

В зачитанном на заседании письме Джорджа Е. Грея приводились его соображения по поводу изображения одной птицы, полученной от британского консула из Персии, относящейся к виду *Lophophorus niggelli* (Jardine, Selby 1826, pl. 46). По мнению Джорджа Грея, эта птица явно принадлежала к виду фазано-курицы, обнаруженного в Гималаях и описанная под названием *Tetraogallus nigellii* (Hardwicke T et John Grey, 1833-1834). В письме сообщается, что новое название таксона должно звучать как *Tetraogallus himalayensis* (Grey, 1843). В этом же письме Джордж Грей включил в этот новый род все виды уларов, известные ему к тому времени под родовыми названиями *Tetrao* и *Perdix*: кавказского и алтайского. Детального описания нового рода и видов, которым присваивалось новое название, сделано не было. В те времена, задолго до появления Международного кодекса зоологической номенклатуры, это было не обязательно. Ссылок на примерное описание, а тем более, на качественное изображение в цвете было вполне достаточно. И в данном случае мы имеем ссылки на прекрасные черно-белые и цветные рисунки указанных птиц, а современный уровень развития номенклатуры уже давно счёл это вполне достаточным, тем более что в Британском музее сохранилась тушка птицы, по которой был сделан рисунок (см. Список видов).

Последний из известных уларов, тибетский улар, был описан Голдом в 1854 году (Gould 1854) по экземпляру из Ладака. Следует сделать небольшое замечание по поводу типовой местности для тибетского улара, поскольку в крупной монографии по птицам Китая (Cheng Tso-hsin 1987) указано, что экземпляр, ставший голотипом, добыт в районе Восточного Памира не позднее 1850 года. Должен заметить, что этот экземпляр добыт офицером Британской армии Ричардом Страхеем (Richard Strachey) во время его работы в Ладаке (район Гималаев на севере Индии) по демаркации границ, что и указано на этикетке синтипа (см. список видов). Что же касается Памира, особенно его восточной части, то первые исследователи, собиравшие коллекции в этой очень труднодоступной высокогорной области (А.П.Федченко, Н.А.Северцов и другие известные учёные) добрались туда только в 1860-1870-е годы.

Так или иначе, но к 1860-м годам все виды уларов уже были известны и описаны, но описания вновь выявляемых подвидов продолжается вплоть до настоящего времени (Потапов 1993), как продолжается изучение деталей их распространения и особенностей биологии. Накопившиеся по этому роду материалы позволили уже в конце XIX столетия приступить к изучению уларов как родовой группы в целом. Это было сделано на первых этапах В.Л.Бианки, который в специальной статье (Бианки 1899) сделал сравнительный обзор морфологии всех видов этого рода и известных к тому времени их подвидовых форм (прежде всего, их окраски), разделив их на 2 группы. Главным отличием окраски видов, входящих в ту или иную группу, была, помимо многих деталей, степень развития белого цвета на нижней стороне тела. В первую вошли виды с преобладающей тёмной окраской нижней части тела (*T. caspius*, *T. caucasius*, *T. himalayensis*), а во вторую – те виды, в окраске нижней стороны тела преобладает белый цвет (*T. altaicus*, *T. tibetanus*). При этом Бианки было указано, что окраска видов второй группы ему представляется более специализированной, первой же – более обобщённой, с чем нельзя не согласиться.

Позднее я по сути дела пришёл к тем же выводам, но посчитал возможным придать этим группам статусы подродов (Потапов 1991). К этому времени уже были опубликованы очень интересные работы Е.В. Козловой (1952), в которых анализировалось развитие окраски у всех видов уларов в процессе онтогенеза, что показало весьма древний характер этих различий и сходство в её развитии внутри каждой из этих групп уже на стадии ювенальных нарядов. Свою аргументацию мне уже можно было подкрепить не только исследованиями Е.В.Козловой, но также и Д.Х.Базиева (1978).

Одновременно с анализом распространения отдельных видов уларов, изучением в полевых условиях особенностей их экологии, прежде всего с точки зрения адаптаций этих птиц к специфичным условиям высокогорий (полевые работы автора на Памирском нагорье, в Тянь-Шане, на Алтае и в горах Монголии в 1953-2012 годах) и морфологическим изучением особенностей их летательного аппарата (Потапов 1991), мною была предложена схема расселения предковой формы улара с последующим становлением и образованием новых видов. Там же был сделан важный вывод о решающем влиянии на эволюцию этих птиц прежде всего резко расчленённого рельефа, типичного для горных областей, независимо от их абсолютной высоты над уровнем моря. Высокогорными родоначальными формами уларов стали вторично, населяя зону гималайского орогенеза и формирования тибетского высокогорного плато и находясь в условиях циклического изменения климата на протяжении по крайней мере, плиоцен-плейстоценовой эпохи с тенденцией к похолоданию. Мною было показано, что именно совместное

действие этих факторов (как климатических, так и ландшафтных) привело в процессе эволюции этих птиц к увеличению их размеров и, параллельно, к выработке особого вида полёта, который был назван мной скользяще-планирующим и неизбежно связанным с потерей стартовой высоты. Однако с развитием этого типа полёта, позволяющего максимально использовать такое существенное возрастание массы птиц, ими была практически полностью утеряна способность не только к обычному транспортному машущему типу полёта на значительные расстояния, но даже к стартовому взлёту с ровной горизонтальной поверхности. Эта морфологическая особенность привела к тому, что распространение родоначальных форм уларов стало ограничено наличием и характером резко пересечённого (горного) рельефа. Мною была экспериментально установлена неспособность взлёта гималайского улара с совершенно ровной поверхности, что было подтверждено и для алтайского улара при его искусственном разведении в Алтайском заповеднике (Ю.П. Лукьянов, устн. сообщ.). Неоднократные наблюдения автора позволили установить, что при старте со склона гималайский улар преодолевал расстояние в 1200 м (до противоположного склона) с потерей высоты примерно 120 м. При необходимости следовать далее птица пешком вновь набирала нужную стартовую высоту, и всё повторялось в том же порядке. Подобный способ перемещения в пространстве был обнаружен и у некоторых других видов курообразных, в частности у кеклика *Alectoris kakelik* (Попов 1959; Ковалев, Попов 1980) и у северо-американского дымчатого тетерева *Dendragapus fuliginosus* Ridgway, 1873 (Bent 1932).

Это обстоятельство способствовало возникновению к настоящему времени у некоторых видов целого ряда изолятов, общение между которыми оказалось исключённым уже многие столетия. Таковы, например, популяции алтайского улара в изолированных горных массивах юго-западной Монголии (хребты Атас-Ула, Немгет-Ула, Гурван-Сайхан) и гималайского улара – на хребте Саур. Популяция гималайского улара на Сауре за время своей изоляции приобрела ряд заметных отличий в окраске, что позволило выделить её в отдельный подвид (Ротаров 1993). Эта популяция, самая западная из всех, населяющих горную систему Тянь-Шаня, отстоит от ближайших мест, населённых этим видом, на 250 км, приходящихся на низменности и низкогорья, где уларов в настоящее время нет. Гипотетически же в одну из очередных ледниковых эпох (вплоть до последней, имевшей место в последнее максимальное похолодание (LGM) около 20 тыс. лет назад – эти улары вполне могли проникнуть сюда из Тянь-Шаня, который населён гималайским уларом до восточного его окончания (Джунгарский Алатау), где этот вид обитает и поныне в пределах высот 1500-2000 м н.у.м.). Отсюда этот вид мог проникнуть через невысокие горные хребты Бар-

лык и Уркашар и их предгорьям вплоть до Саура-Тарбагатая. В настоящее время хребты Барлык и Уркашар, высота которых не превышает 2730 м н.у.м., не достигают высоты линии вечных снегов, расположенной на этих широтах на высоте не менее 3800 м н.у.м.

За последние годы цитогенетические исследования как многообещающие методы, позволяющие не только устанавливать степень близости между отдельными таксонами, но и давать оценки ходу таких дивергентных процессов во времени, коснулись и представителей рода уларов. Имеются в виду прежде всего два исследования, дающих представление о генетической близости и степени расхождения конгенеричных видов как во времени, так и в пространстве (Luzhang *et al.* 2005, 2010). Примечательно, что во второй из этих работ на основании полученных цитогенетических материалов была картографически показана зона возможных контактов между тибетскими и тянь-шаньскими популяциями уларов в области, совпадающей с предложенной ранее гипотетической областью на основании чисто морфологических и географических данных (Потапов 1991). Хотелось бы здесь отметить, что достаточно пионерские работы китайских авторов, здесь указанные, по изучению филогенеза уларов содержат весьма интересные данные, которые, несомненно, будут учтены в дальнейшем. Только здесь следует учитывать сугубо предварительный характер этих филогенетических исследований, а также то обстоятельство, что далеко не все проблемы эволюционно-систематического плана можно решать только на основании молекулярного анализа. В последнее время появились исследования, заставляющие усомниться в решающей роли филогенетического анализа на основе цитогенетических исследований, по крайней мере, в орнитологии. Здесь имеется в виду ставшая уже достаточно известной работа по филогенезу дарвиновых вьюрков (Lamichaneu 2015). И здесь данные, полученные в процессе цитогенетических исследований о наибольшей генетической близости гималайского и алтайского уларов, не находят должного подтверждения ни в онтогенезе окраски видов, ни в их распространении, ни в характере окружающей среды, к которой эти виды адаптированы.

В заключение, возвращаясь к основной задаче данной публикации, привожу предложенную мной ранее (Потапов 1991) таксономическую структуру рода *Tetraogallus* (T.Hardwicke et J.E.Gray, 1833), который разделяется на 2 подрода с указанием типовых видов на основании статьи 69.1 «Типовой вид по последующему обозначению». Иногда этот род описывается как *Tetraogallus* J.E.Gray 1832, однако это неверно, так как в 1832 году у Джона Грея не было никаких публикаций, кроме как заметки о систематике кускусов, а также книга в соавторстве с Хардвике, первый том которой вышел в 1830-1832 годах и был посвящен млекопитающим. Второй том с птицами вышел в 1833-1834 годах.

Род улар *Tetraogallus* T.Hardwicke et J.E.Gray, 1833

Подрод темнобрюхий улар *Tetraogallus* subgenus sensu stricto

Типовой вид гималайский улар *T. (Tetraogallus) himalayensis* G.R.Gray, 1843,
Синтип. – catalogue number 1838.7.9.10. Синтип, самец ad., Museum Nat. Hist.
London.

Каспийский улар *T. (Tetraogallus) caspius* Gmelin, 1784.

Кавказский улар *T. (Tetraogallus) caucasicus* Pallas, 1811.

Гималайский улар *T. (Tetraogallus) himalayensis* G. Gray, 1843

Подрод белобрюхий улар *Montigallus* subgen. nova Potapov 1991

Типовой вид тибетский улар *T. (Montigallus) tibetanus* J.Gould, 1853 (1854).

Голотип. – catalogue number 1880.1.1.1845. Museum Nat.Hist. London.

Алтайский улар *T. (Montigallus) altaicus* Gebler, 1836.

Тибетский улар *T. (Montigallus) tibetanus* Gould, 1853.

History of description of the genus *Tetraogallus* and designation of the type species of the subgenera *Tetraogallus* and *Montigallus* (Potapov 1991).

R.L.Potapov

The paper traces the history of description of the members of the genus *Tetraogallus* G.E.Gray, 1833, and analyses of the species distribution and morphology (Potapov 1991). The author has agreed with V.L.Bianchii (Bianchii 1899) who was the first to separate the snowcock species into two groups based on coloration of the male's underparts, especially belly. The first group comprised of birds with dark, blackish belly, included the nominate species, the Himalayan Snowcock *T. himalayensis*, the Caucasian *T. caucasicus* (Pallas, 1811) and Caspian *T. caspius* (Gmelin, 1784) snowcocks. The second group included two other species with the prevalence of the white color in the abdomen and comprised of the Altai *T. altaicus* (Gebler, 1836) and Tibetan *T. tibetanus* (Gould, 1843) snowcocks. Unfortunately, V.L.Bianchii (1899) did not give scientific names to the two groups, which was later done by Potapov (1991). The two groups were given a status of subgenus. The first group of dark bellied snowcocks was given the nominate genus name (as sensu stricta) and the second group of white-bellied snowcocks was given name *Montigallus* (subgen.nova). In this paper I present the current taxonomical order of the genus *Tetraogallus*, and according to the article 69.1. of «Type species by subsequent designation» (The Code, 1999), I designate the type species of the subgenera suggested earlier (Potapov 1991).

Genus *Tetraogallus* J.E. Gray, 1832.

Subgenus Dark-bellied Snowcock *Tetraogallus* subgenus sensu stricto

Type species Himalayan Snowcock *T. (Tetraogallus himalayensis* G.R.Gray, 1843 (1842). Type specimen – catalogue number 1880.1.1.1845, holotype. Museum Nat.

Hist. London. 1. Himalayan Snowcock *T. (Tetraogallus) himalayensis* G.Gray, 1843.

Caucasian Snowcock *T. (Tetraogallus) caucasicus* (Pallas, 1811).

Caspian Snowcock *T. (Tetraogallus) caspius* (Gmelin, 1784).

Himalayan Snowcock *T. (Tetraogallus himalayensis* G.R.Gray, 1843

Subgenus White bellied Snowcock *Montigallus* subgen.nova Potapov 1991

Type species Tibetan Snowcock *T. (Montigallus) tibetanus* J.Gould, 1854.

Type-specimen – catalog number 1880.1.1.1845, holotype.

Museum Nat.Hist. London.

Altai Snowcock *T. (Montigallus) altaicus* (Gebler, 1836).

Tibetan Snowcock *T. (Montigallus) tibetanus* Gould, 1853)

I thank Dr. Robert Prys-Jones and curator of birds Hein van Grouw, both of the Natural History Museum, Tring (UK), for helping in location of the type species, and Dr. Eugene Potapov (Bryn Athyn College, Philadelphia) and Olga Potapova (Mammoth Site of Hot Springs, SD) for the editorial work. Dr. E. Potapov, Dr. M. Potapova (Academy of Natural Sciences of the Drexel University, Philadelphia), and Larisa Potapova (St. Petersburg) provided logistics, funding and resources.

Литература

- Базиев Д.Х. 1978. Улары Кавказа. Экология, морфология, эволюция. Л.: 1-125.
- Бианки В.Л. 1899. Обзор видов рода *Tetraogallus* Gray // Ежегодник Зоол. музея Имп. Акад. наук 2: 111-123.
- Ковалёв А.К., Попов А.В. 1980. Миграции кеклика в горах Центрального Таджикистана // Миграции птиц в Азии. Душанбе: 261-274.
- Козлова Е.В. 1952. Авифауна Тибетского нагорья, её родственные связи и история // Тр. Зоол. ин-та АН СССР 9: 964-1028.
- Попов А.В. 1959. Птицы Гиссаро-Каратегина. Душанбе: 1-183.
- Потапов Р.Л. (1991) 2013. Основные этапы эволюции уларов и история становления видовых ареалов рода *Tetraogallus* // Рус. орнитол. журн. 22 (930): 2843-2861.
- Bent A.C. 1932. Life histories of North American Gallinaceous birds // U.S. Nat. Mus. Bull. 162: 1-490.
- Cheng Tso-hsin 1987. A Synopsis of the Avifauna of China. Beijing.
- Gmelin S.G. 1874. Reise durch Russland, zur Untersuchung der drey Natur. Reiche. Vierter Theil. Reise von Astrachan nach Zarizyn und von da durch Kumariche Steppe uber Mosdok zuruck, imgleichen zweyte persische Reise in der Jahren 1772 und 1773, bis im Fruhling 1774 // Nebst dem Leben des Verfassers. St. Petersburg, Kauserl. Acad. Der Wissenschaften: I – XXVI, 1-218, I-XVIII.
- Gebler F. 1836. Nouvelle espece de *Perdrix* de L'Altai (Extrait d'une letter de M.Gebler a Barnaoul ls 8 Avril // Bull. Ac. de L'Acad. De Petersburg: 4-8.
- Gray G.R. 1842. Letter to the curator // Proc. Zool. Soc. London. 10: 105-106.
- Gould J. 1854. Description of a new species of *Tetraogallus*. A paper presented at a meeting of the Zoological Society, on March 22, 1853 // Proc. Zool. Soc. London: 47.
- Hardwicke T., Gray J. 1833-1834. Illustrations of Indian Zoology. London (Plate 46).
- Jardine W., Selby J. 1826. Illustrations of Ornithology. Vol. 2. Edinburg.
- Lamichhaney S. 2015. Evolution of Darwin's finches and theirs beaks revealed by genome // Nature 518: 371-375.
- Luzhang R., Zhang Lixun, Wen Longying, Sun Gingwei, Liu Naifa 2005. Phylogeny and molecular evolution of *Tetraogallus* in China // Biochemical Genetics 43, 9/10: 507-18.
- Luzhang R., An Bei, Niclas Backstrom, Luo Huaxing, Wen Longying, Zhang Lixun, Liu Naifa 2010. Phylogenetic structure and gene flow of Himalayan snowcock (*Tetraogallus himalayensis*) // Annual Biology 60: 449-465.
- Potapov R.L. 1993. New subspecies of the Himalayan Snowcock, *Tetraogallus himalayensis sauricus* subsp. nova // Рус. орнитол. журн. 2, 1: 3-5
- Potapov R.L. 2007. On the name of a new subspecies of the Himalayan Snowcock *Tetraogallus himalayensis sauricus* Potapov, 1993 // Рус. орнитол. журн. 16 (358): 654-655.

Обыкновенная каменка *Oenanthe oenanthe* в Нижнем Приобье и на Ямале

В.Н.Рыжановский, В.К.Рябицев

Вячеслав Николаевич Рыжановский, Вадим Константинович Рябицев. Институт экологии растений и животных УрО РАН, ул. 8 марта 202, Екатеринбург, 620144, Россия.
E-mail: ryzhanovskiy@ya.ru; riabits@yandex.ru

Поступила в редакцию 20 апреля 2015

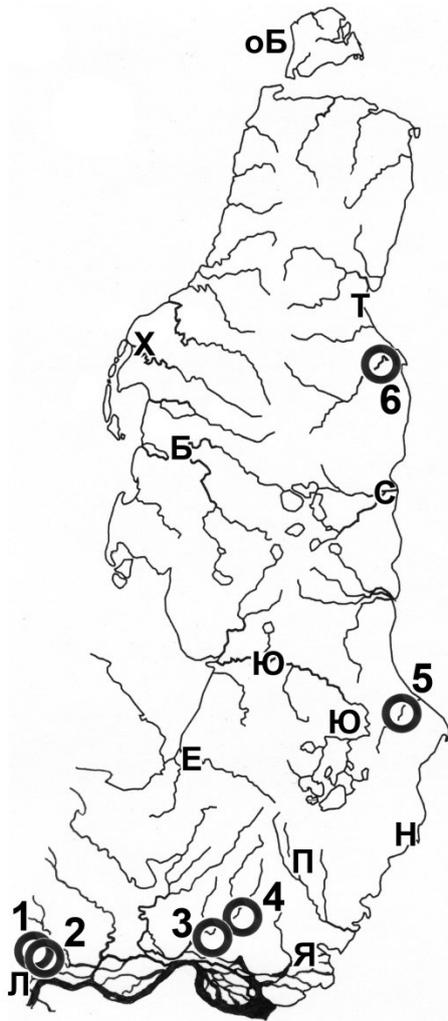
Из птиц семейства дроздовых Turdidae обыкновенная каменка *Oenanthe oenanthe* является видом с самыми северными пределами распространения. Она гнездится в Гренландии и на Шпицбергене (Рогачёва, Сыроечковский 2003), в арктических тундрах островов Вайгач и Новая Земля (Калякин 1999); на северной оконечности Ямала (Пасхальный 1985), возможно, на острове Белый (Дмитриев и др. 2006), на севере Гыданского полуострова (Жуков 1998; Калякин и др. 2002; Емельченко 2006) и в более восточных частях тундровой зоны Сибири до побережий морей Северного Ледовитого океана (Рябицев 2014). Экология вида в тундровой зоне Западной Сибири, которую мы изучали значительный период времени, представляет интерес как для выявления адаптаций северных популяций к условиям Субарктики, так и для сопоставления с экологией этого вида в других частях ареала. В предлагаемом очерке объединены все имеющиеся у нас сведения по рассматриваемому виду, включая данные, опубликованные ранее (Данилов и др. 1984; Рябицев 1993; Рыжановский 1997, 2010; и др.).

Материал и методы

Статья написана на основе полевых наблюдений и экспериментальных исследований обыкновенной каменки в Приобской лесотундре и на полуострове Ямал в 1970-2006 годах.

Полевые исследования. С 1970 года мы работали в Нижнем Приобье, а также обследовали разные районы полуострова Ямал, за исключением его крайнего севера. Вне стационарных площадок учёт гнездящихся птиц проводили на маршрутах с шириной учётной полосы 100 м.

Большая часть материалов получена на полевых стационарах (см. рисунок). Самые южные стационары – Харп (13 км к северо-западу от города Лабытнанги, 66°44' с.ш., 66°21' в.д., 1970-1984, 2002-2004) и Октябрьский (окрестности города Лабытнанги, 1978-1989). На Южном Ямале – на юге кустарниковых тундр с интразональными пойменными лесами – действовали стационары Хадыта (67°00' с.ш., 69°30' в.д., 1970-1979) и Ласточкин берег (67°07' с.ш., 69°56' в.д., 1978-1981). На Среднем Ямале – стационар Хановэй (север кустарниковых тундр, 30 км к северо-западу от посёлка Мыс Каменный, 1982-1993). Стационар Яйбари находился на Северном Ямале (крайний юг подзоны арктических тундр, 71°04' с.ш., 72°20' в.д., 19 км к югу от посёлка Сабетта, 1988-1995).

К распространению и плотности гнездования каменки *Oenanthe oenanthe*. Кружки с цифрами – многолетние стационары: 1 – Харп, 2 – Октябрьский, 3 – Хадыта, 4 – Ласточкин берег, 5 – Хановэй, 6 – Яйбари. Буквами обозначены: Л – город Лабытнанги, Я – посёлок Яр-Сале, П – сезонный стационар Порсыяха, Н – посёлок Новый Порт, Е – реки Ензоряха и Еркутаяха, Ю – река Юрибей, С – посёлок Сеяха, Б – посёлок Бованенково, Х – посёлок Харасавэй, Т – фактория Тамбей, оБ – остров Белый.

На контрольных площадках стационаров картировали территориальные пары, отыскивали гнёзда, вели обычные полевые наблюдения в течение весенне-летнего периода. На стационаре Октябрьский в долине Оби с мая по сентябрь птиц ловили сетями и большой ловушкой, кольцевали их в комплексе со стандартной прижизненной обработкой, включая описание состояния оперения (Носков, Рымкевич 1977). В общей сложности описали состояние оперения 17 молодых каменок, пойманных в июле-сентябре. Среднюю продолжительность линьки определяли по уравнению регрессии (Pimm 1976).

На стационарах Хадыта, Хановэй и Яйбари проводили абсолютный учёт на контрольных площадках и наблюдения с упором на территориальные отношения и динамику гнездовой плотности (Рябицев 1993), а также искали гнёзда и заносили наблюдения в гнездовые карточки. За годы исследований в Нижнем Приобье на Ямале нами было найдено, описано, прослежена судьба 28 гнёзд.

Экспериментальные исследования. Особенности регуляции постювенальной линьки изучали у птиц, взятых из гнёзд на Среднем Ямале (посёлок Бованенково, 70°40' с.ш., 68°30' в.д.), выкормленных с 10-12-дневного возраста в условиях короткодневного и естественного фоторежимов. Птиц первой группы ($n = 5$) выкармливали и содержали при фотопериоде 16С:8Т. С середины июля светлую фазу сокращали на 30 мин каждые 5 дней. В конце августа птицы этой группы жили при 12-13-часовом дне. Птицы второй группы ($n = 5$) жили в вольере при естественном освещении широты Среднего Ямала – 24С:0Т до середины августа, позднее длина дня сокращалась. Двух слётков взяли из гнезда, найденного в городе Лабытнанги, выкормили и содержали до конца августа в условиях естественного фотопериода широты Полярного круга. Регистрировали возраст начала линьки, последовательность вступления в линьку птерилий и их отделов, длительность и полноту линьки.

Результаты исследований

Местообитания, плотность гнездования

В лесотундре и тундре каменка встречается преимущественно по частично лишённому растительного покрова склонам холмов, оврагов, по берегам рек, на ненецких кладбищах (вместе с белой трясогузкой *Motacilla alba*), на свалках мусора вокруг посёлков и буровых установок, непосредственно в посёлках на лишённых строений сухих участ-

ках, вдоль насыпей автомобильных дорог. На Полярном Урале это одна из самых распространённых птиц, где встречается повсеместно, но главным образом в осевой части гор (Головатин, Пасхальный 2005).

На территории стационара Харп в период с 1970 по 1979 годы в течение 6 лет гнездились по 1-3 пары с плотностью на всю территорию, включая редколесья и болота, 0.3-1.0 пар/км²; в 2002-2004 годах гнездились по 1 паре в течение 2 лет, несмотря на расширение площади сухих участков в связи с постройкой на приграничной территории дороги Обская – Бованенково. Вдоль этой дороги было 0.9-3.0 пар/км трассы. В пересчёте на пригодную для гнездования территорию, тундру и песчаные холмы, плотность составила 1-3 пар/км².

В районе стационара Октябрьский, в пойме и на плакоре, каменки в годы наблюдений не гнездились. В тундре окрестностей фактории Хадыта на площадке в 77 га в период с 1971 по 1979 год трижды гнездились по одной паре; в пойме Порсыяхи (1976, приток Ядаяходаяхи) в 1976 году на 41 га учтена 1 пара (Данилов и др. 1984). М.Г.Головатин и С.П.Пасхальный (2008) для района реки Юрибей отмечают переход каменки в категорию обычных птиц Южного Ямала в последние годы, что связано с перевыпасом северных оленей *Rangifer tarandus* и расширением площадей оголённого грунта. Авторы приводят плотность 0.3-1.3 пар/км² для плакора при отсутствии каменок в поймах. Каменки были обычны в нижнем течении рек Ензоряха (Черничко и др. 1997) и Еркутаяха (Штро и др. 2000), впадающих в южный «угол» Байдарацкой губы. На контрольной площадке стационара Хановой за 12 лет учётов каменки не гнездились один сезон (1990), в другие годы было 1-4 пар на 0.8 км², в среднем 2.2 ± 0.4 пар/км². В тундрах Северного Ямала на стационаре Яйбари в 1988-1995 годах в течение 5 сезонов гнездились по 1-2 пары на контрольной площадке в 3 км². В 1975 году в этом районе (нижнее течение реки Сабеттаяха) каменок на маршрутах по тундре умеренного увлажнения не встречали; не было их и в сухой тундре окрестностей фактории Тамбей в 1974 году.

По мнению С.П.Пасхального (2004), можно было бы ожидать сравнительно высокой численности каменки в населённых пунктах, где есть осыпающиеся склоны, песчаные раздувы, большой выбор ниш для гнёзд. Но этого не наблюдается – плотность её гнездования в поселениях человека невысока. В городе Лабытнанги на пустырях плотность не превышала 3.3 пар/км², в посёлке Яр-Сале – 3.6-4.0, в посёлке Новый Порт – 1.9, в окрестностях посёлка Бованенково на участке плакора – 0.6-0.7, у посёлка Харасавей на северо-западе Ямала – 2.8 пар/км² (Мониторинг... 1997; Пасхальный 2004). В 2006 году каменки были обычны в посёлке Сеяха (Рябицев, Примак 2006). Для Полярного Урала М.Г.Головатин и С.П.Пасхальный (2005) отмечали склонность каменок к групповому поселению, когда неподалёку друг от друга гнез-

дились 3-4 пары. Поселение из 3 пар каменок нашли в окрестностях стационара Яйбари.

Прилёт

В лесотундру каменки прилетали одновременно с началом массового прилёта большинства воробьиных птиц, обычно образующих третью волну, приуроченную к сильному потеплению. Даты встреч в районе города Лабытнанги первых птиц следующие: 27 мая 1972, 25 мая 1973, 1 июня 1974, 31 мая 1975, 31 мая 1976, 25 мая 1977, 6 июня 1978, 30 мая 1979, 30 мая 1980, 4 июня 1981, 10 июня 1982, 6 июня 1983, 1 июня 1984. С.П.Пасхальный и М.Г.Головатин (2008) для окрестностей Лабытнанги приводят следующие даты: 25 мая 2002, 24 мая 2003, 23 мая 2004. На Среднем Ямале (стационар Хановэй) первые регистрации пришлись на конец мая – начало июня: 7 июня 1974, 4 июня 1975, 6 июня 1984; 27 мая 1985; 7 июня 1986; 8 июня 1987. В эти же сроки встречали первых каменок на Северном Ямале (стационар Яйбари): 31 мая 1990; 31 мая 1991; 10 июня 1992; 4 июня 1993; 7 июня 1994.

Мигрируют каменки широким фронтом. В первой декаде июня 1974 года на территории стационара Харп за 62 ч утренних наблюдений отмечено 8 летящих каменок из 1006 зарегистрированных воробьиных. Летят эти птицы и поймой Оби. Миграция растянута на 1-3 недели. На стационаре Октябрьский каменок единично ловили сетями с 6 июня по 12 июня 1978 и с 1 по 12 июня 1979. Через стационар Харп пролёт шёл с 1 по 8 июня 1974, через город Лабытнанги (Пасхальный, Головатин 2008) – с 25 мая по 15 июня 2002, с 24 мая по 15 июня 2003, с 23 мая по 5 июня 2004.

Гнездование

Каменки гнездятся в укрытиях: в старых норах грызунов, ласточек-береговушек *Riparia riparia*, под корнями в береговом обрыве, в ящиках на свалках, в трубах, под досками и листами железа, в нишах зданий, в насыпях железнодорожного полотна, в горах – между камнями. На Среднем Ямале почти четверть гнёзд располагалась в норах леммингов *Lemmus sibiricus*. С.П.Пасхальный (2004) отмечал, что на старых стоянках оленеводов каменки охотно используют для устройства гнёзд брошенные резиновые сапоги. Гнездовая постройка большая, рыхлая, из веточек, корней и стеблей травы, выстлана перьями, шерстью. До гнезда может вести достаточно длинный, до полуметра, ход.

Откладка яиц начинается в обычные для воробьиных сроки, преимущественно во второй половине июня. На стационаре Харп к откладке яиц каменки приступали 21 июня 1971, 24 июня 1975; на территории Хадыта – 22 мая 1974, 17 июня 1982; на реке Порсыяха – 9 июня 1976; на стационаре Хановэй – 17 июня 1982, 20 июня 1983, 18 июня 1984, 20 июня 1985, 28 июня 1986, 13 июня 1989, 8 июня 1991, 24 июня

1993. На стационаре Яйбари начало кладки регистрировали 14 июня 1992, 25 июня 1995. В кладках находили от 4 до 7 яиц, в среднем 5.82 ± 0.14 ($n = 28$): 4 яйца – в 4 гнёздах, 5 яиц – в 6, 6 яиц – в 12, 7 – в 6 гнёздах. При этом одна кладка с 4 яйцами была повторная, после разорения гнезда с 6 яйцами. Новое гнездо было построено за 3-4 дня на том же участке. В гнёздах, найденных на Полярном Урале, было 4, 5 и 7 яиц (Головатин, Пасхальный 2005). Размеры яиц: $19.6-23.5 \times 13.9-16.4$, в среднем 21.6×15.3 мм (по 2 кладкам, $n = 12$).

Насиживает только самка, вероятно, начиная с откладки 2-3-го яйца, т.к. птиц спугивали днём с неполных кладок. Две кладки с 7 яйцами самки насиживали по 17 дней от 1-го яйца до 1-го птенца, по 10 и 12 дней от последнего яйца до первого птенца; в одном гнезде от последнего яйца до первого птенца прошло 14 дней. У отдельных гнёзд в период насиживания самцов не видели совсем, но с появлением птенцов они становились очень заметными. Слётки уходили из гнезда в возрасте 10-14 дней, но в одном гнезде они прятались в норе до 17-дневного возраста и разлетелись, когда их выпугнули. На стационаре Яйбари 25 июня 1995 каменка заняла гнездо белой трясогузки в ящике с 1 яйцом и отложила 5 своих яиц. 9 июля в гнезде вылупился птенец трясогузки, которого успешно выкормила самка каменки. Все яйца самой каменки были неоплодотворёнными. Самца у этого гнезда не видели. Успешность размножения достаточно высокая. Благодаря размещению гнёзд в укрытиях, от холодных дождей и мокрого снега яйца и птенцы в контрольных гнёздах не погибали. На Среднем Ямале все 16 кладок, прослеженных от завершения откладки яиц, сохранились до вылупления птенцов, из 92 яиц вылупилось 90 птенцов (97.8%). Но из 14 выводков (79 птенцов), прослеженных от вылупления до ухода из гнезда, выжили 9 (52 слётка) – 56.5%. Причиной гибели стало хищничество горностаев *Mustela erminea* и песцов *Alopex lagopus*.

Послегнездовые кочёвки

Слётки довольно долго остаются в районе гнезда. На территории стационара Харп в 1971 году одна молодая каменка была поймана в районе гнезда через 3 недели после вылета (Данилов и др. 1984). В пойму Оби в районе стационара Октябрьский каменки начали спускаться с плакора в августе. В 1978-1983 годах во второй пятидневке августа пойманы 5 молодых, скорее всего, родившихся поблизости. В конце августа, начиная с 25-го числа, в ловушке и сетях появлялись мигранты. Выводки каменок в горах Полярного Урала отмечали вплоть до 12-15 августа (Добринский 1965; Головатин, Пасхальный 2005).

Линька

Постювенальная линька. Обыкновенные каменки из Нижнего Приобья и со Среднего Ямала в природе и в неволе имели одинаково-

вую, значительную по объёму полноту линьки. На голове и туловище заменялись все перья, начавшие формирование в гнездовое время; на крыле всем осмотренным птицам была свойственна линька внутренних (17-го, или 17-18-го, или 17-20-го) больших верхних кроющих второстепенных маховых, всех средних и малых верхних кроющих второстепенных маховых, кроющих крылышка, верхних и нижних кроющих пропатагиальной складки, верхних и нижних кроющих кисти, средних нижних кроющих второстепенных маховых, нижних кроющих третьестепенных маховых. У большинства птиц заменялись средние верхние кроющие первостепенных маховых. У некоторых пойманных в природе птиц отмечена замена карпального кроющего. Поскольку это перо меняется очень быстро, вероятно, его линька весьма обычна. У вольерных птиц сменились перья всех перечисленных отделов, кроме карпального кроющего. У одной птицы (из 5) со Среднего Ямала отмечена линька всех третьестепенных маховых (Рыжановский 2010).

У среднеямальских каменок, выкормленных и передержанных при коротком сокращающемся дне, наблюдали значительное сокращение полноты линьки: не заменялись все верхние и нижние кроющие маховых, верхние и нижние кроющие хвоста и у одной птицы не заменились центральные ряды плечевой птерилии. Следует отметить, что среди 17 пойманных в Нижнем Приобье молодых каменок были 5 особей, у которых на третьей стадии не заменялись верхние кроющие хвоста, но обычно они на этой стадии уже линяют. Возможно, эти перья не заменяются и позднее. Общая последовательность линьки каменки не отличается от таковой у варакушки, с теми же признаками выделения стадий (Рыжановский 1988).

Судя по состоянию оперения, в природе линька начинается в возрасте старше 25 дней. В клетках 2 каменки из Нижнего Приобья при естественном дне начали линьку в возрасте 25 и 29 дней. Каменки со Среднего Ямала при коротком дне начинали линьку в 26-27 дней, в среднем 26.4 ± 0.2 дня ($n = 6$), при естественном фотопериоде Среднего Ямала линьку они начали в 22-27 дней, в среднем в 24.2 ± 1.0 дня ($n = 5$). По этому признаку северные каменки не отличались от нижнеобских. Несомненно, возраст начала линьки у всех птиц контролируется эндогенно. В Приладожье линька каменок начинается в этом же возрасте – на 27-32-й (29.4 ± 1.1 ; $n = 26$) день жизни (Савинич 1990).

В вольере при естественном световом режиме Нижнего Приобья 2 птицы заменили оперение за 51 и 45 дней. Каменки, взятые из гнёзд на Среднем Ямале при фотопериоде 24С:0Т до конца августа (в природе такой фотопериод на арктических островах) линяли 48-57 дней, в среднем 51.1 ± 0.7 дней; при фотопериоде 16С:8Т (сокращающийся день) линька длилась 23-36, в среднем 27.0 ± 2.5 дня. Сокращение длительности постювенальной линьки соответствовало сокращению полноты:

самая короткая линька была у особи с минимальной полнотой (не перелиняли кроющие крыла, рулевых, плеча).

В окрестностях посёлка Октябрьский между 12 августа и 3 сентября поймано 15 молодых каменок на разных стадиях линьки и 2 птицы, пойманные 4 и 7 сентября, были в новом наряде. Линия регрессии, построенная по датам отлова, указывает на следующие даты: начало линьки – 24 июля, конец – 12 сентября, длительность – 50 дней. Но эти материалы объединяют поздневесенний год (1978) и средние годы. Реально в природе большинство каменок заменяют оперение за 40-45 дней. Самые северные каменки, вероятно, совмещают последние этапы постювенальной линьки с началом миграции. Две последние пойманные молодые каменки были в новом наряде, без следов закончившейся линьки. Взрослых птиц во второй половине лета мы не отлавливали. Вероятно, линьку они проводят в районе гнездового участка.

Осенняя миграция

По наблюдениям Л.Н.Добринского (1965), в предгорной части реки Собь формирование стай каменок в 1960 году начиналось после 23 августа, сначала в них входили по 2 объединившихся выводка, затем – до 30 птиц. В 1980 году на Южном Ямале каменки встречались до 12 сентября (Калякин 1986). На стационаре Харп одиночных мигрирующих каменок в 1974 году встречали на учётах с 1 по 17 сентября, на стационаре Октябрьский в 1978-1983 годах в период с 13 по 24 августа птиц не было совсем, с 25 августа по 8 сентября поймано 13 особей.

Масса тела и упитанность

В период прилёта ловили самцов ($n = 17$) массой 21.7-28.6, в среднем 22.4 ± 0.3 г, самки ($n = 7$) имели массу 21.9-24.0, в среднем 23.2 ± 0.3 г. Почти половина птиц (11 из 24) имела средние запасы жира, упитанность одной особи определена как «много», остальные отнесены к тощим и маложирным. Молодые каменки, пойманные в августе – начале сентября, видимых запасов жира не имели, средняя масса составляла 23.3 ± 0.7 г ($n = 17$). У птиц, содержащихся в клетках ($n = 12$), максимальная масса тела 26.3-31.5, в среднем 28.1 г – наблюдалась или на начальных (у 4 особей), или на средних (у 8 особей) стадиях линьки, минимальная – на предпоследней, 6-й стадии (22.8-28.0, в среднем 24.5 г). Предмиграционное ожирение начиналось на последней стадии линьки или одновременно с её окончанием. Две молодые каменки, жившие в вольере при естественном фотопериоде, начали ожирение в возрасте 68 и 70 дней. Две птицы, выросшие при коротком дне, закончили линьку раньше; но миграционное ожирение у них началось также после окончания линьки в возрасте 55-60 дней.

Длина крыла самцов – 93-103, в среднем 98.3 ± 0.7 мм ($n = 16$), длина крыла самок – 91-102, в среднем 96.6 ± 1.4 мм ($n = 8$).

В наших исследованиях принимали участие В.А.Коровин, Н.С.Алексеева, Ю.А.Тюлькин, Э.А.Полени, В.В.Тарасов, А.В. и К.В. Рябицевы, С.В.Шутов, Г.Н.Бачурин, студенты биологических факультетов университетов России. Учёт птиц на контрольной площадке стационара Хадыта в 1974-1979 годах проводил Н.Н.Данилов. Выражаем коллегам большую благодарность за сотрудничество и активное участие в экспедиционных работах. Мы благодарны коренному населению и представителям местной власти, а также авиаторам и работникам различных экспедиций, которые оказывали нам помощь и содействие.

Литература

- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 2005. *Птицы Полярного Урала*. Екатеринбург: 1-560.
- Головатин М.Г., Пасхальный С.П. 2008. Современное состояние орнитофауны долины р. Юрибей (Южный Ямал) и перспективы создания в бассейне реки природного парка // *Научный вестник ЯНАО* 8 (60): 81-102.
- Данилов Н.Н., Рыжановский В.Н., Рябицев В.К. 1984. *Птицы Ямала*. М.: 1-334.
- Дмитриев А.Е., Емельченко Н.Н., Слодкевич В.Я. 2006. Птицы острова Белого // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* 11: 57-67.
- Добринский Л.Н. 1965. К орнитофауне долины р. Соби // *Экология позвоночных животных Крайнего Севера*. Свердловск: 153-165.
- Жуков В.С. 1998. К фауне и распространению птиц на северо-востоке Западной Сибири // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* 3: 67-76.
- Емельченко Н.Н. 2006. Орнитофауна северо-восточного побережья Гыданского полуострова // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* 11: 68-73.
- Калякин В.Н. 1986. Птицы междуречья Байдараты и Ензор-яхи // *Фауна позвоночных Урала и сопредельных территорий*. Свердловск: 96-103.
- Калякин В.Н. 1999. Птицы Новоземельского региона и Земли Франца-Иосифа // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* 4: 109-136.
- Калякин В.Н., Виноградов В.Г., Покровская И.В. 2002. Авифаунистические результаты биогеографического обследования южной части полуострова Явай (Гыданский заповедник) // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* 7: 132-143.
- Мониторинг биоты полуострова Ямал в связи с развитием объектов добычи и транспорта газа*. 1997. Екатеринбург: 1-191.
- Носков Г.А., Рымкевич Т.А. 1977. Методика изучения внутривидовой изменчивости линьки у птиц // *Методика исследования продуктивности и структуры видов в пределах их ареалов*. Вильнюс. 1: 37-48.
- Пасхальный С.П. 1985. К фауне куликов и воробьиных арктической тундры Ямала // *Распределение и численность наземных позвоночных полуострова Ямал*. Свердловск: 34-38.
- Пасхальный С.П. 2004. *Птицы антропогенных местообитаний полуострова Ямал и прилегающих территорий*. Екатеринбург: 1-219.
- Пасхальный С.П., Головатин М.Г. 2008. Весенний пролёт птиц в низовьях Оби // *Научный вестник ЯНАО* 6 (50), 2: 23-57.
- Рогачёва Э.В., Сыроечковский Е.Е. (ред.) 2003. *Атлас гнездящихся птиц Европы Европейского совета по учётам птиц*. М.: 1-338.
- Рыжановский В.Н. 1988. Послегнездовой период жизни варакушки (*Luscinia svecica*). Распадение выводков и постювенальная линька // *Зоол. журн.* 63, 3: 68-78.
- Рыжановский В.Н. 1997. *Экология послегнездового периода жизни воробьиных птиц Субарктики*. Екатеринбург: 1-288.

- Рыжановский В.Н. 2010. Дорастание гнездового наряда и постювенальная линька обыкновенной каменки *Oenanthe oenanthe* на северном пределе ареала // *Рус. орнитол. журн.* **19** (607): 1935-1943.
- Рябицев В.К. 1993. *Территориальные отношения и динамика сообществ птиц в Субарктике*. Екатеринбург: 1-296.
- Рябицев В.К. 2014. *Птицы Сибири: справочник-определитель в 2 томах*. М.; Екатеринбург, **2**: 1-452.
- Рябицев В.К., Примаков И.В. 2006. К фауне птиц Среднего Ямала // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* **11**: 184-191.
- Савинич И.Б. 1990. Каменка – *Oenanthe oenanthe* // *Линька воробьиных птиц Северо-Запада СССР*. Л.: 67-67.
- Черничко И.И., Громадзкий М., Дядичева Е.А., Гринченко А.Б. 1997. Летне-осенний состав птиц восточного побережья Байдарацкой губы // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* **2**: 149-155.
- Штро В.Г., Соколов А.А., Соколов В.А. 2000. Орнитофауна реки Еркатаяха // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири* **5**: 183-187.
- Pimm S.L. 1976. Estimation of the duration of bird moult // *Condor* **78**, 4: 550.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск 1133: 1377-1379

О встрече канадской казарки *Branta canadensis* в городе Печоры Псковской области

А. В. Бардин

Александр Васильевич Бардин. SPIN-код: 5608-1832. Кафедра зоологии позвоночных, биологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034 Россия. E-mail: ornis@mail.ru

Поступила в редакцию 20 апреля 2015

В Ленинградской области канадских казарок *Branta canadensis* встречали неоднократно (Коузов 1993; Меньшикова 1995, 2005; Домбровский 2009; устные сообщения), но в Псковской области она до сих пор была отмечена только раз: одиночную канадскую казарку видели 15 мая 2014 на озере Сенница в Псковском Поозерье (Фетисов 2014).

Вторая для области встреча этого вида произошла на территории города Печоры на окраине посёлка Майский, на «Чаячьем» озере – заболоченной низине в 150 м южнее озера Рагозино (Рогозино), использовавшейся для сброса сточных вод (см. рисунок). Водоём этот 370 м длиной и чуть более 100 м шириной, в самой широкой части – около 200 м. Здесь в 1973 году образовалась колония озёрных чаек *Larus ridibundus*, которая к настоящему времени насчитывает порядка 4 тыс. пар. Озеро привлекает и других водоплавающих птиц, 12 апреля 2015 вечером (около 20 ч) мне удалось наблюдать на этом озере одиночную канадскую казарку. Она плавала среди чаек, затем вышла на кочку и

стала чиститься. Вспугнутая, перелетела на 700 м на озеро Рагозино (425×50-110 м). Есть фотографии этой птицы, но из-за плохого освещения качество их невысокое.

«Чаячьё» озеро у посёлка Майский. Печоры. 31 декабря 2013. Фото автора.

Канадская казарка, широко распространённая в Северной Америке, — один из самых многочисленных видов птиц среди интродуцированных в Европу (Нанкинов 2006, 2010; Kampe-Persson 2010). Впервые завезена в Англию в 1665 году как декоративная парковая птица. В дальнейшем неоднократно завозилась и разводилась в качестве декоративной, домашней и охотничьей птицы. В XX веке канадская казарка была интродуцирована в ряд европейских стран. К нам канадские казарки, по всей видимости, залетают из Фенноскандии, где этот вид успешно натурализовался. Зарегистрирован даже случай его гнездования на Валаамском архипелаге Ладожского озера (Медведев 1992). Кроме Европы, *V. canadensis* акклиматизирована в Новой Зеландии, Чили, Аргентине, на Фолклендских островах (Long 1981; Lever 2005). Хорошо известно, что последствия введения в местную фауну чужеродных видов часто оказываются крайне нежелательными (Long 1981; Shergalin 1994; Watola *et al.* 1996; Hughes *et al.* 1999; Нанкинов 2010; и мн. др.). Тем не менее, в охотничьих кругах неоднократно высказывалась идея акклиматизировать канадскую казарку и в России, в 1970-е годы её активно продвигал В.Ф.Гаврин (Габузов 1990).

Помимо канадской казарки, в Псковскую область могут залетать и другие натурализовавшиеся в некоторых странах Западной Европы гусеобразные, в частности, чёрный лебедь *Cygnus atratus*, уже наблю-

давшийся под Себежем (Фетисов 2010), а также мандаринка *Aix galericulata*. Эта экзотическая утка в Псковской области ещё не регистрировалась, хотя не раз отмечалась в Ленинградской, Мурманской областях и Карелии (Назарова 2005; Харламова и др. 2007; Домбровский 2010; Лапшин 2014).

Литература

- Габузов О.С. (ред.) 1990. *Искусственное разведение канадских казарок (методические рекомендации)*. М.: 1-92.
- Домбровский К.Ю. 2009. Наблюдения за птицами в окрестностях Струпово (низовья реки Луги) // *Рус. орнитол. журн.* **18** (504): 1395-1418.
- Домбровский К.Ю. 2010. Наблюдения мандаринки *Aix galericulata* в Санкт-Петербурге // *Рус. орнитол. журн.* **19** (599): 1722-1723.
- Коузов С.А. 1993. Водоплавающие и околоводные птицы северного побережья Невской губы // *Тр. Зоол. ин-та РАН* **252**: 60-83.
- Лапшин Н.В. 2014. О встречах мандаринки *Aix galericulata* на Северо-Западе России // *Рус. орнитол. журн.* **23** (997): 1397-1401.
- Медведев Н.В. 1992. Случай гнездования канадской казарки (*Branta canadensis* L.) на Валаамском архипелаге Ладожского озера // *Рус. орнитол. журн.* **1**, 1: 113-114.
- Меньшикова С.В. (1995) 2010. Редкие птицы Ленинградской области на рыбоводных прудах в Ковашах // *Рус. орнитол. журн.* **19** (547): 185-186.
- Меньшикова С.В. 2005. Водоплавающие и околоводные птицы Ропшинских прудов (Ленинградская область) // *Рус. орнитол. журн.* **14** (284): 291-309.
- Назарова С.А. 2005. Встреча мандаринки *Aix galericulata* на реке Сестре в Сестрорецке // *Рус. орнитол. журн.* **14** (300): 902-903.
- Нанкинов Д. 2006. *Чуждите видове птици в Европа*. София: 1-148.
- Нанкинов Д.Н. 2010. Интродукция в Европу чужих видов птиц и возникающие в связи с этим проблемы // *Рус. орнитол. журн.* **19** (551): 292-300.
- Фетисов С.А. 2010. О залёте чёрного лебедя *Cygnus atratus* в национальный парк «Себежский» (Псковская область) // *Рус. орнитол. журн.* **19** (557): 486-490.
- Фетисов С.А. 2014. Первый случай залёта канадской казарки *Branta canadensis* в Псковскую область // *Рус. орнитол. журн.* **23** (1003): 1591-1593.
- Харламова М.Н., Новиков М.А., Малясова С.А. 2007. Типичные и залётные виды птиц урбанизированных территорий северной части Мурманской области (по материалам 1998-2006 гг.) // *Естественные и инвазийные процессы формирования биоразнообразия экосистем. Тез. докл. Междунар. науч. конф.* Ростов-на-Дону: 314-315.
- Hughes B., Kirby J., Rowcliffe J. M. 1999. Waterbird conflicts in Britain and Ireland: ruddy ducks *Oxyura jamaicensis*, Canada geese *Branta canadensis*, and cormorants *Phalacrocorax carbo* // *Wildfowl* **50** (50), 77-99.
- Kampe-Persson H. 2010. Naturalised geese in Europe // *Ornis svecica* **20**, 3/4: 155-173
- Lever C. 2005. *Naturalised Birds of the World*. London: 1-352.
- Long J.L. 1981. *Introduced Birds of the World: The Worldwide History, Distribution and Influence of Birds Introduced to New Environments*. London.
- Shergalin J. 1994. Canada geese and great cormorants as a threat in the Eastern Baltic area // *22 Meet. Bird Strike Comm. Eur.* Vienna: 22-24.
- Watola G., Allan J.R., Feare C.J. 1996. Problems and management of naturalised introduced Canada Geese *Branta canadensis* in Britain // *The Introduction and Naturalisation of Birds*. London: 71-78.

Очерк биологии размножения клеста-еловика *Loxia curvirostra*

А.С.Мальчевский

Алексей Сергеевич Мальчевский. Кафедра зоологии позвоночных, биологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Поступила в редакцию 25 апреля 2015*

Сроки токования и размножения. За последнее десятилетие (с 1946 по 1955 годы) на территории Ленинградской области клесты-еловики *Loxia curvirostra* в большом количестве появлялись 4 раза: в 1945/46, 1948/49, 1952/53 и 1954/55 годах. «Клестовые годы» являлись следствием обильного урожая семян ели *Picea abies*, наблюдавшегося осенью 1945, 1948, 1952 и 1954 годов. Судя по сообщениям, появлявшимся в литературе (Воробьёв 1955; Бубнов 1956), а также устным сообщениям отдельных лиц, в указанные годы клесты-еловики были многочисленны и в других областях: Московской, Новгородской, Ярославской, Костромской и др. Очевидно, массовое появление клестов в эти годы происходило на весьма значительной территории Европейской части СССР.

Появление клестов-еловиков в Ленинградской области каждый раз сопровождалось их размножением, которое, судя по поведению птиц, состоянию их половых желёз, а также по находкам отдельных гнёзд, у большинства пар происходило в период с конца января по март включительно.

Зимой 1954/55 года токование клестов в окрестностях Ленинграда, по нашим наблюдениям, началось уже с конца октября и продолжалось вплоть до конца января – начала февраля. Убитая на Карельском перешейке 25 января 1955 Г.А.Носковым самка клеста-еловика имела уже достаточно сильно развитые яичники, показывавшие на близость периода размножения. Кстати, данная самка, по сообщению Носкова, пела, причём не менее активно, чем державшиеся поблизости самцы.

С начала февраля поведение большинства птиц изменилось: они стали держаться более скрытно, активность пения самцов заметно снизилась, хотя отдельные птицы пели в течение всей весны, вплоть до июня. В гнёздах клеста-еловика, найденных в 1955 году в елово-сосновых лесах Карельского перешейка (см. далее), к этому времени

* Очерк из: Мальчевский А.С. 1956. Анализ явлений в цикле размножения и постэмбрионального развития воробьиных (на примере лесных европейских видов). Дис. ... докт. биол. наук. Л.: 693-706 (рукопись).

(начало февраля) у клестов уже началось гнездостроение и откладка яиц. В этот год клесты в заметном количестве держались в окрестностях Ленинграда ещё и в конце мая – начале июня. В это время отдельные самцы ещё пели, в связи с чем можно было предполагать, что отдельные пары этих птиц продолжали размножаться. Заметим, что массовое выпадение семян ели в 1955 году происходило в конце мая.

Почти такая же картина поведения клестов-еловиков наблюдалась нами в 1953/54 году, только активное токование клестов началось в этом году примерно на месяц позднее – в конце ноября. Степень развития яичников и семенников у самок и самцов, убитых П.П.Стрелковым и В.В.Бианки в период с 26 по 31 января 1953 в Окуловском районе Новгородской области, показывала, что клесты ещё не были вполне готовы к размножению: диаметр наиболее крупных фолликулов яичника равнялся 3.5 мм, максимальная длина левого (более крупного) семенника варьировала в пределах от 6 до 7 мм (5 экз.). В окрестностях Ленинграда активное токование клестов в этом году продолжалось примерно до конца февраля. В ельниках Волосовского района (станция Елизаветино) к этому времени большинство клестов держалось уже рассредоточено, стай вовсе не было видно. Большинство птиц вело себя скрытно и незаметно. 1 марта, судя по поведению некоторых птиц (беспокойное «кокание» на одном и том же месте), можно было заключить о наличии у них гнёзд. Наблюдалось также ухаживание самцов за самками. Отдельные самцы продолжали ещё петь и совершать токовые полёты. Судя по поведению птиц, можно было заключить, что большинство клестов приступило здесь к размножению, примерно на месяц позднее, чем в 1955 году.

Зимой 1948/49 года, по наблюдениям Р.Л.Потапова (1950), половое возбуждение у клестов-еловиков в районе посёлка Комарово началось в конце ноября и продолжалось до середины декабря, после чего птицы сразу стали малозаметными, рассредоточились по лесу и, видимо, приступили к размножению. Таким образом, исходя из наблюдений Потапова, в зиму 1948/49 года клесты стали гнездиться на Карельском перешейке примерно на месяц раньше, чем в зиму 1954/55 года и, по-видимому, на целых два месяца раньше, чем в Волосовском районе в 1952/53 году. О поведении клестов зимой 1945/46 года мы почти ничего не можем сказать, так как специальных наблюдений в этот период не проводили. Отметим только, что ранней весной этого года, в середине марта (17 марта 1946), в ближайших окрестностях Ленинграда (Парголово) мы наблюдали большое количество клестов-еловиков, державшихся поодиночке, парочками или очень небольшими стайками. Повсюду слышно было пение самцов, видны были их токовые полёты и т.п. Одним словом, поведение птиц указывало на то, что клесты ещё только собирались размножаться.

Приведённое выше сравнение сроков наиболее активного токования клестов в различные годы позволяет, по нашему мнению, говорить о некотором непостоянстве сроков массового размножения клестов-еловиков на территории Ленинградской области в годы их появления. В большинстве случаев пик размножения, как это отмечено для других территорий Европы (Reinikainen 1937; Кириков 1952), приходится здесь на февраль или март, но в некоторые годы у большинства пар размножение может начаться, по-видимому, на 1-2 месяца раньше. Однако, поскольку точных сроков размножения клестов по всем отмеченным выше «клестовым годам» нам определить не удалось, считаем, что данное заключение следует принимать лишь как предположение, основанное на косвенных показателях.

О растянутости периода размножения клестов в пределах одного и того же года мы имеем возможность судить лишь по известным нам находкам двух гнёзд клеста-еловика, обнаруженных в 1955 году на Карельском перешейке. Одно гнездо было найдено студентом кафедры зоологии позвоночных Ленинградского университета Р.Л.Потаповым, другое – сотрудником Ленинградского Дворца пионеров Л.Н.Поповым. Гнездо, обнаруженное Потаповым, располагалось у вершины крупной сосны *Pinus sylvestris*, несколько отступя от главного ствола, на высоте около 15 м. Пишущий эти строки имел возможность ознакомиться с этим гнездом 2 марта 1955. В гнезде было 3 птенца в возрасте 5-6 дней. Примерно такого же возраста были птенцы, найденные Поповым 29 марта 1955 в гнезде, располагавшемся на ели на высоте примерно 8 м. Таким образом, разница в сроках вылупления птенцов в этих гнёздах была равна примерно одному месяцу.

Судя по литературным данным, разница в сроках размножения отдельных птиц в пределах одного и того же года может быть значительно большей. Так, по сообщениям Г.П.Дементьева (1941) и Д.В.Терновского (1954), зимой 1940/41 года размножение клестов-еловиков под Москвой началось в декабре и продолжалось в январе и феврале. Кроме того, под Звенигородом в 1941 году кладка клеста-еловика была обнаружена в июле. Данное сообщение представляет чрезвычайный интерес, ибо оно указывает на способность клестов, при наличии определённых условий, размножаться не только зимой и ранней весной, но и летом.

На территории Ленинградской области, так же как и в других местах, клесты-еловики могут размножаться, по-видимому, в любое время года. В этом убеждают нас следующие факты. Во-первых, активное пение и токование клестов, которое у этих птиц обычно предшествует размножению, мы наблюдали в Ленинградской области не только осенью и зимой, но также и в другие сезоны. Так, помимо обычного времени токования клестов (ноябрь-февраль), активное пение самцов этого

вида в окрестностях Ленинграда нами отмечалось в марте 1946 года, мае 1946, в июне и июле 1948 и, наконец, в октябре 1954. Думается, что отсутствие у нас сведений по токованию клестов в апреле, августе и сентябре следует объяснять скорее недостаточностью наших наблюдений, нежели невозможностью протекания явления в данные месяцы. Следует только отметить, что в период с марта по октябрь пение клестов отмечалось лишь в очень немногие годы. Кроме того, нам никогда не приходилось наблюдать в это время большого количества токующих клестов; пели лишь отдельные птицы.

Во-вторых, во время экскурсии в ельниках Волосовского района Ленинградской области 20 октября 1954 автором был обнаружен выводок клестов-еловиков, состоящий из 4 уже хорошо летавших молодых, которые с характерным, очень похожим на позыв молодых зеленушек *Chloris chloris* криком «*пи-тютю-пи-тютю*», летали за старой самкой клеста. Судя по возрасту птенцов, размножение клестов в данном случае должно было протекать в сентябре. На возможность сентябрьского размножения клестов-еловиков на Южном Урале указывает С.В.Кириков (1952), отмечающий, что эта – вторая – волна размножения клестов бывает там в годы совпадающего урожая семян сосны и лиственницы *Larix sibirica*. Полагаем, что закономерность, отмеченная Кириковым для сосново-лиственничных лесов Южного Урала, в известной мере может проявляться и в окрестностях Ленинграда. Дело в том, что как в черте самого города, так и в пригородной зоне Ленинграда существует немало парков с лиственничными насаждениями, которые в годы урожая семян могут прокормить некоторое количество клестов в течение всего лета вплоть до нового урожая семян ели. В 1948 году, например, на территории парка Лесотехнической академии (Ленинград) с первых чисел июня и до середины августа регулярно держалась крупная стая клестов-еловиков (30-40 птиц), которую постоянно можно было наблюдать на лиственницах, семенами которых клесты начали питаться в этом году ещё в июне. Летом этого же года мы отмечали стайки клестов и в других садах и парках Ленинграда, где есть лиственницы: сад Ботанического института АН СССР, сад при больнице им. Эрисмана и др. Заметим, что осень 1948 года, как уже отмечалось, характеризовалась также обильным урожаем еловых семян, которыми клесты питались до весны 1949 года. Таким образом, у тех клестов, которые появились в окрестностях Ленинграда в начале июня 1948 года, благодаря совпадению урожая семян лиственницы и ели, создались условия, при которых они могли находить богатый корм в течение почти круглого года.

Небезынтересным будет также указать и на то, что в первую половину лета 1948 года в пригородных парках нами было отмечено обилие галлов на вязах *Ulmus laevis*, на которых неоднократно мы встре-

чали и клестов. Автор уже указывал (Мальчевский 1946) на способность клестов-еловиков выедать из галлов личинок тлей. Полагаем, что в данном случае могло иметь место питание клестов-еловиков этим же кормом. Есть основание предположить, что на сроках пребывания и размножения клестов в окрестностях Ленинграда может сказаться не только обилие семян ели и лиственницы, но и обилие галлов вязовой тли, представляющих источник питания в период, наиболее бедный для клестов кормом. В литературе (Козлов 1950) имеются указания также на способность клестов расклёвывать галлы на тополях. По всей вероятности, галлообразующие насекомые, при массовом их размножении, вообще могут играть немаловажную роль в жизни клестов.

В тёплое время года размножаются, видимо, лишь отдельные пары клестов-еловиков; бывает это, однако, далеко не каждый год.

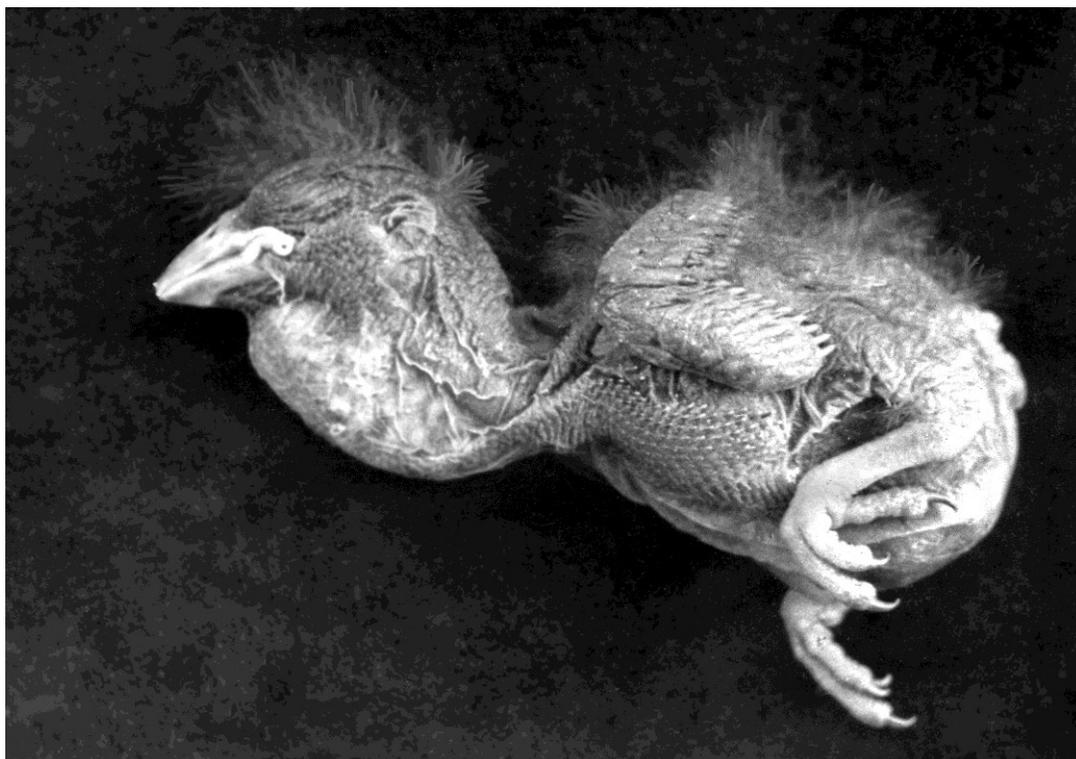
Поведение взрослых птиц у гнезда. Самка, систематически обогревающая птенцов, сидит на них очень плотно и слетает с гнезда лишь в случае крайней необходимости. Будучи согнанной с птенцов, она далеко не отлетает, а сидит рядом, постоянно воспроизводя крик беспокойства. Этот равномерно повторяющийся звук «ке-ке-ке...» сильно отличается от соответствующего позыва других вьюрковых. При первой же возможности птица снова садится на птенцов. Самец, кормящий как птенцов, так и самку, прилетает к гнезду редко и долго около него не остаётся. Прежде, чем спуститься к гнезду, он некоторое время сидит на вершине дерева, издавая характерный для вида позыв «тик-тик-тик...». Самец, за которым 2 февраля 1954 наблюдал автор, отсутствовал у гнезда в течение 40 мин.

Развитие птенцов. Приведённые ниже описания птенца клеста-еловика даётся по 2 экземплярам, один из которых был, в зампиртованном состоянии, любезно предоставлен нам К.А.Воробьёвым, другой был взят автором из гнезда, найденного Р.Л.Потаповым зимой 1955 года на Карельском перешейке.

Птенец клеста-еловика опушён довольно сильно. Пух темно-серого цвета, довольно густой, но не очень длинный, – во всяком случае, короче, чем у птенцов щура *Pinicola enucleator*. Максимальная длина пуха на спине и на затылке достигает 11 мм. На других участках пух ещё короче. Он расположен на глазных, надглазничных, затылочной, спинной (от лопаток до корня хвоста), плечевых, локтевых, бедренных пуховых птерилиях, а также на брюшных и голенных птерилиях. Ноздри круглые, клюв темно-серый, широкий в основании и несколько горбатый. Яйцевой «зуб» светлый, края рта светло-жёлтые. Ротовая полость мясо-красного цвета. Когти серые. Кожа сверху – темно-серая, снизу – мясного цвета. Разрез рта, так же как и у птенцов щура, довольно широкий и складка в углах рта достигает заметного развития, несмотря на исключительную зерноядность птенцов. Пищевод спосо-

бен растягиваться очень сильно и вмещать большое количество корма (см. рисунок).

У обследованных автором 6-дневных птенцов клеста-еловика глаза и отверстия слуховых проходов только лишь начали приоткрываться, длина пеньков первостепенных маховых равнялась 2-3 мм. При выпрашивании корма птенцы воспроизводили едва слышимый писк. Характер соответствующего позыва у слётков нам неизвестен; призывный же крик последних очень напоминает таковой у птенцов зеленушки и звучит как «*пютютю-пютютю...*». Так же, как и зеленушки, молодые клесты постоянно воспроизводят этот крик, даже тогда, когда уже хорошо научиться летать.

Птенец клеста-еловика *Loxia curvirostra*, только что накормленный самцом. Сильно растяжимый пищевод птенца способен вместить значительное количество корма. В данном случае он наполнен семенами ели *Picea abies*. Комарово, Карельский перешеек, Ленинградская область. 2 марта 1955. Фото автора.

Питание гнездовых птенцов. Птенцы клестов, которые, как это хорошо известно, выкармливаются в зимних условиях семенами хвойных деревьев, не являются, как это на первый взгляд ни странно, исключительно растительноядными. В зобу одного птенца клеста, взятого нами из гнезда 2 марта 1955 в районе Комарово, помимо многочисленных (153 экз.) семян ели, автор обнаружил также 6 небольших (3-4 мм в длину) личинок какой-то мухи. Таким образом, клест-еловик, как и другие представители зерноядных вьюрков, не избегает питаться насекомыми, которых он случайно находит там, где добывает свой основной корм. Возможно, что присутствие в рационе птенцов клеста

белка́ животного происхождения в виде зимующих в шишках личинок насекомых, даже необходимо для нормального развития птенцов.

Литература

- Бубнов М.А. 1956. Клётс-еловик (*Loxia curvirostra* L.) // Зоол. журн. **35**, 2: 316-318.
- Воробьёв К.А. (1955) 2012. Зимнее гнездование клёста-еловика *Loxia curvirostra* // Рус. орнитол. журн. **21** (807): 2593-2595.
- Дементьев Г.П. 1941. Зимнее гнездование клёстов в Московской области // Советский охотник 4: 32.
- Кириков С.В. 1952. Птицы и млекопитающие в условиях ландшафтов южной оконечности Урала. М.: 1-412.
- Козлов П.С. 1950. Птицы леса. 2-е испр. и доп. изд. Саратов: 1-120.
- Мальчевский А.С. (1946) 2003. О залёте клёста-еловика *Loxia curvirostra* в южное За-волжье // Рус. орнитол. журн. **12** (232): 891-892.
- Потапов Р.Л. 1950. Птицы дачного посёлка Комарово Ленинградской области и его окрестностей. Л. (рукопись).
- Терновский Д.В. (1954) 2014. Зимнее гнездование клёста-еловика *Loxia curvirostra* в Московской области // Рус. орнитол. журн. **23** (1068): 3555-3560.
- Reinikainen A. 1937. The irregular migrations of the Crossbills, *Loxia c. curvirostra* and their relation to the cone-crop of the conifers // *Ornis fenn.* **14**: 55-69.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск 1133: 1386-1389

О населении и гнездовой биологии речного сверчка *Locustella fluviatilis* на зоостационаре вблизи города Сумы

Н.П. Кныш

Второе издание. Первая публикация в 1996*

Несмотря на то, что речной сверчок *Locustella fluviatilis* довольно обычен в пределах бывшего СССР, его биология остаётся слабо изученной. Находки гнёзд в разных частях видового ареала исчисляются всего лишь единицами (Птушенко, Иноземцев 1968; Мальчевский, Пукинский 1983; Никифоров и др. 1989, Крисько та ін. 1994), не выяснены особенности репродуктивного цикла (Кисленко 1991) и другие важные стороны жизнедеятельности вида.

Изложенные ниже материалы собраны в 1970-1996 годах преимущественно на зоостационаре Сумского пединститута в селе Вакаловщина (15 км к северо-востоку от города Сумы) в пределах большого

* Кныш Н.П. 1996. О населении и гнездовой биологии речного сверчка на зоостационаре вблизи г. Сумы // Птицы бассейна Северского Донца **3**: 76-79.

массива нагорной дубравы, расчленённого долиной ручья и узкими заболоченными балками.

Речной сверчок – весьма обычный вид урочища. На километровых маршрутах вдоль ленты заболоченного ольшаника и по тальвегу балок, занятому болотно-луговым разнотравьем, куртинами кустарниковых ив и ольховой поросли, ежегодно учитывалось по 3-4 поющих самца. На зарастающих вырубках дубравы, расположенных на крыльях долины и балок, плотность гнездящихся составляла 0.14-1.0, в молодых ивняках на сыром лугу за пределами дубравы – 0.7-1.0 пар/га. При этом сверчок избегает вырубков, расположенных на межбалочных возвышенностях («шпилях»), а также находящихся на значительном удалении от его коренных биотопов. Численность местного населения вида на протяжении 25 лет довольно стабильна, её локальные колебания определяются антропогенной трансформацией биотопов и изменениями (включая возрастные) растительных сообществ.

Прилёт (первое пение) речных сверчков отмечен 9 мая 1970; 17 мая 1978; 26 апреля 1979; 18 мая 1982; 17 мая 1984; 9 мая 1986; 14 мая 1991; 13 мая 1992; 18 мая 1994; 13 мая 1995 (в среднем 12 мая). Судя по наблюдениям и расчётным данным, массовая откладка яиц происходит в последней декаде мая. В эти сроки сверчки поют наиболее интенсивно, после чего наступает заметный спад. Слабое пение речных сверчков эпизодически слышится до середины июля (14 июля 1980 и 1989; 17 июля 1981) и даже в начале августа (8 августа 1974). Некоторый подъём в конце июня – начале июля вокальной активности самцов наблюдается после гибели кладки (16 июня 1989). Всё это свидетельствует отнюдь не в пользу предположения о бицикличности размножения данного вида.

Ниже приведены результаты обследования 8 гнёзд речного сверчка в окрестностях зоостационара Сумского пединститута.

1) Заболоченная хвощово-осоковая луговина на краю ольшаника. На осоковой кочке. Диаметры 130 и 160, глубина лотка 55 мм. 29 мая 1970 в гнезде 5 слабо насиженных яиц; 12 июня содержимое гнезда исчезло.

2) Зарастающая рубка на склоне в дубраве. На земле среди густого разнотравья. Диаметры 120 и 70, глубина лотка 47 мм. 13 июня 1973 – 5 яиц; 19.8×5.3, 19.6×15.3, 19.4×15.4, 19.7×15.3 и 20.2×15.2 мм. 19 июня – 4 новорождённых птенца и 1 яйцо; 20 июня содержимое гнезда исчезло.

3) Сырое травянистое дно балки в дубраве. На земле среди густого разнотравья вблизи кустов ивы. 27 мая 1974 – 1 яйцо (начало кладки). 1 июня – 5 яиц; 19.6×14.0; 18.9×14.2; 18.9×13.8; 19.7×14.1; 19.0×14.0 мм

4) Заболоченный ольшаник. На земле среди крапивы. Диаметры 105 и 65, глубина лотка 55 мм. 8 июня 1976 – в гнезде 5 слабо насиженных яиц.

5) Осоково-хвощовой луг на дне балки в дубраве. На осоковой кочке на краю куртин ольх и лозняка. Диаметры 130×130 и 65×60, высота 80, глуби-

на лотка 47 мм 22 июня 1976 – недавно брошенная кладка из 5 яиц (одно из них уже с наклёвом): 19.2×15.7; 20.8×15.7; 20.2×15.6; 19.8×15.5 и 19.9×15.4 мм. Вес, соответственно: 2.23; 2.45; 2.3; 2.25 и 2.3 г.

6) Заболоченный ольшаник. На земле среди крапивы. 2 июня 1977 полная кладка из 6 яиц.

7) Забурьяненная залежь на окраине ольшаника. На земле у основания куста пустырника (опирается на растительную ветошь). Диаметры 160×105 и 63×54, высота 80, глубина лотка 52 мм. 16 июня 1989 в гнезде 4 сильно насиженных яйца: 19.9×14.8; 20.0×15.2; 19.8×15.4 и 20.5×15.3 мм. Гнездо брошено из-за выкоса травы.

8) На поляне среди молодого ивняка, у края куртины крапивы, в 4 м от ручья. Опирается на растительную ветошь. Диаметры 30×110 и 75×70, высота 110, глубина лотка 50 мм. 5 июня 1996 – 5 насиженных яиц: 20.4×14.7; 20.2×14.4; 21.0×14.8; 21.3×14.5 и 20.0×14.7 мм. 10 июня – новорожденный птенец и 4 яйца. 11 июня – 3 птенца (один из них сегодняшней) и 2 неоплодотворённых яйца. 21 июня 3 оперённых птенца накануне вылета.

Обнаруженные гнезда (см. перечень) располагались на прогалинах или на краю куртин и полос древесно-кустарниковой растительности и были хорошо укрыты пышным травостоем. Построены гнёзда из сухих стеблей и листьев злаков, в 3 гнёздах по наружному краю были вплетены прошлогодние листья лещины и чёрного тополя. Одно гнездо было построено из прошлогодних листьев осоки, другое – из сухих остатков пикульника. Их лоток выстлан тонкими стебельками злаков и других трав (гнездо на вырубке с незначительной примесью шерсти козули). Величина полных кладок ($n = 8$) 4-6, в среднем 5.0 ± 0.19 яйца. Средние размеры 24 яиц, мм: длина 19.91 ± 0.13 ($CV = 3.09\%$), диаметр 14.93 ± 0.12 ($CV = 3.99\%$).

Известна судьба 5 гнёзд (из них сохранилось лишь одно). Гибель 2 гнёзд, построенных на осоковых кочках, была предопределена их естественной демаскировкой: густой пучок длинных листьев осоки, отяжелев от дождевой влаги, разлёгся в стороны и гнезда полностью обнажились. Одно из них впоследствии было разорено неизвестным хищником, другое, под которым к тому же поселились мелкие муравьи – оставлено самкой. В гибели ещё 2 гнёзд прямо или косвенно повинен человек (одно из них было скошено, другое – разорено хищником после посещения наблюдателем). Объективно судить по этим данным о результативности размножения речного сверчка не представляется возможным.

Литература

- Кисленко Г.С. 1991. О втором репродуктивном цикле у сверчков // *Материалы 10-й Всесоюз. орнитол. конф.* Минск, 2: 274-275.
- Крисько О., Рожик Д., Бокотей А. 1994. Звіт Банку гнізд птахів України за 1994 рік // *Рихтарик: інформаційні матеріали Західного відділення Українського орнітологічного товариства та Львівського клубу орнітологів.* Дрогобич, 6.

- Мальчевский А.С., Пукинский Ю.Б. 1983. *Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий: История, биология, охрана*. Л., 2: 1-504.
- Никифоров М.Е., Яминский Б.В., Шкляр Л.П. 1989. *Птицы Белоруссии: Справочник-определитель гнёзд и яиц*. Минск: 1-480.
- Птушенко Е.С., Иноземцев А.А. 1968. *Биология и хозяйственное значение птиц Московской области и сопредельных территорий*. М.: 1-461.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2015, Том 24, Экспресс-выпуск 1133: 1189

Обыкновенная гага *Somateria mollissima* в Харьковской области

И.А.Кривицкий, Ю.А.Кальченко

Второе издание. Первая публикация в 1994*

Гага *Somateria mollissima* – типичный представитель приполярной фауны, в период сезонных миграций распространяется к северу или в северо-западном и западном направлении. Крайне редкие случаи появления гаги к югу от гнездовой территории, в том числе и на Украине, рассматривались как случайные залёты (Лысенко 1991). В 1960-е годы на северо-западном побережье Чёрного моря начали формироваться зимовки этих птиц, а впоследствии – гнездовая популяция.

О встречах гаги на Харьковщине известно не было. О добыче молодой птицы в соседней Полтавской области в начале октября 1955 года сообщил Н.И.Гавриленко (1960).

29 сентября 1993 на рыбопроизводных прудах Печенежского рыбхоза были добыты 3 молодые обыкновенные гаги, державшиеся группой.

* Кривицкий И.А., Кальченко Ю.А. 1994. Гага обыкновенная на Харьковщине // *Птицы бассейна Северского Донца* 2: 54.